

УДК 347.124
DOI 10.52452/19931778_2024_4_71

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

© 2024 г.

Д.М. Касаткин

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербург

kasatkin.1997@gmail.com

Поступила в редакцию 14.02.2024

Целью работы является исследование и выявление полного перечня юридических последствий злоупотребления правом. Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (диалектический, логический, системный); специально-юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового прогнозирования). В результате исследования выявлены возможные проблемы, обусловленные пересечением механизма злоупотребления правом с другими правовыми институтами, как возмещение убытков и недействительность сделок, последствия которых часто применяются в сочетании с отказом в защите права, что не всегда хорошо сказывается на гражданском обороте, когда при отсутствии оснований для иска заявитель пробует признать сделку недействительной по совокупности ст. 10 и 168 ГК РФ. Также встречаются случаи, когда требование о возмещении убытков основано лишь на формальной недобросовестности. Предложены правовые способы решения обозначенных проблем посредством правильного взаимодействия правовых институтов гражданского права при помощи их правильного толкования.

Ключевые слова: злоупотребление правом, отказ в защите права, юридические последствия, недобросовестное поведение, недействительность сделок, возмещение убытков, реальный ущерб, упущенная выгода.

Вопрос правовых последствий злоупотребления правом всегда вызывал в научном сообществе дискуссии. Безусловно, согласно п. 2 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) основным последствием злоупотребления правом является отказ суда в защите принадлежащего лицу субъективного права. Формулировка этой нормы законодателем вызывает вопросы на практике и споры в научной литературе.

Так, В.П. Грибанов считает, что определёнными формами проявления отказа в защите права являются: отказ в избранном способе защиты права; отказ в принудительном осуществлении права; лишение субъективного права в целом или в части; лишение права на результат, который был достигнут недобросовестным осуществлением права. Он также указывает, что при рассмотрении вопроса об отказе в защите права суд может выбрать любой из вышеперечисленных способов [1, с. 102]. В.С. Ем поддерживает эту позицию, добавляя лишь, что в таких ситуациях отказ в защите права может быть не только полным, но и частичным [2, с. 376].

Отдельное внимание стоит уделить позициям авторов, которые считают, что злоупотребление правом является правонарушением, а отказ в защите права – санкцией за такое правонарушение. Одним из первых эту идею высказал С.Н. Братусь, указав, что в отношении лица, которое осуществляет свои права не соответ-

ственно их назначению, могут быть применены те меры защиты, которые применяются против нарушителя требований закона [3, с. 80]. Ш.Б. Байрамов, В.И. Кайнов, Р.А. Шахбазов пишут, что в традиционной модели нормы есть гипотеза, диспозиция и санкция. В последней указываются способы воздействия на участника правоотношений, если он не исполняет предписания нормы права. Пункт 2 ст. 10 ГК РФ содержит указание на то, что при нарушении требований, предусмотренных пунктом первым, суд отказывает лицу в защите права. В пункте первом идёт диспозиция – недопустимость ненадлежащего осуществления гражданских прав, значит, отказ в защите нарушенных прав следует считать санкцией за такого рода поведение [4, с. 149].

Е.Ю. Маликов придерживается противоположной позиции: обращает внимание на то, что отказ в защите права не может быть санкцией, т.к. злоупотребление правом не является правонарушением. Во-первых, поскольку анализ ст. 9, 10 ГК РФ говорит о том, что субъект, действующий в рамках предоставленного законом права, осуществляет свои права. Это означает, что он действует правомерно. Во-вторых, чтобы квалифицировать злоупотребление правом как правонарушение, необходимо наличие состава правонарушения. Он может быть полным (неправомерное поведение, вина, причинная связь, вред), а также усечённым (неправомерное поведение, причинная связь, вред). Таким образом,

совершенно очевидно, что субъект, который действует в рамках поведения, допускаемого законом, не является правонарушителем. Он действует правомерно, но осуществлением своего права нарушает право другого лица. Злоупотребление правом, таким образом, является ограничителем правомерных действий, а отказ в защите права – одним из инструментов ограничения [5, с. 33].

П.М. Филиппов, А.Ю. Белоножкин придерживались позиции, что отказ в защите права является одним из способов защиты права, тогда как в целом для защиты от злоупотребления правом должны применяться все способы защиты гражданских прав [6, с. 170].

Стоит выделить интересную точку зрения А.В. Тепляковой. Она обращает внимание на то, что при отказе в защите права суд лишает его охраны со стороны государства. Таким образом, субъективное право фактически лишается главного признака обеспеченности. Из этого можно сделать вывод, что субъективное право перестает существовать без такой гарантии [7, с. 204].

Рассматривая вышеприведенные позиции авторов по данной проблематике, стоит констатировать, что отказ в защите права представляется либо как санкция за правонарушение, вызывающая для правонарушителя отрицательные последствия в виде лишения защиты права, либо как один из способов защиты прав, либо как основание для прекращения права, либо как способ ограничения прав иных участников гражданского оборота.

Стоит поддержать здесь позицию о том, что отказ в защите права является средством ограничения правомерных действий субъектов. Действительно, довольно странно многие авторы, по сути подменяя понятия, пытаются приравнять злоупотребление правом к правонарушению. Если бы законодатель хотел придать этой норме подобный смысл, то рациональнее прямо прописать это в законе. Сейчас же исходя из толкования ст. 10 ГК РФ признаков правонарушения там не обнаруживается, поскольку злоупотребление правом – это лишь использование своего права с недобросовестной целью.

Стоит также обратить внимание на тот факт, что отказ в защите права основывается на праве на судебную защиту, в котором может быть полностью или частично судом отказано, если он квалифицирует правоотношения как злоупотребление. Таким образом, право на судебную защиту зависит от волевого судебного решения, основанного на оценочных стандартах суда, рассматривающего определенный правовой спор.

И.А. Покровский негативно относится к отнесению к компетенции судов определения по-

нятия добросовестности и квалификации злоупотребления правом. Так, он подвергал критике Швейцарское гражданское уложение, которое одно из первых установило злоупотребление правом как осуществление права, противное доброй совести. И.А. Покровский считает, что право судей на самостоятельную квалификацию столь неопределенных понятий может привести к злоупотреблениям со стороны самой судебной системы, непредсказуемости гражданского оборота и абстрактным толкованиям [8, с. 127].

Противоположной позиции придерживаются современные правоведы. Так, Д.В. Мурзин говорит о невозможности запрета судейского усмотрения из-за индивидуальности понятия добросовестности, которое просто невозможно адаптировать к каждой уникальной правовой ситуации. Такая попытка приведет к тому, что самим судам придется обходить запрет на определения добросовестности в каждом споре из-за того, что оно не универсально [9, с. 137]. Действующие нормы права и разъяснения Верховного Суда РФ дают только примерный ориентир, исходя из которого судьям стоит квалифицировать правоотношение.

М.А. Егорова также считает, что судейское усмотрение допустимо. «Недобросовестное поведение» и «злоупотребление правом» – это категории, оценка которых применительно к каждому спору возможна только судом. В таких случаях лишь суд в установленных законом рамках может установить меру добросовестности в конкретной ситуации [10, с. 11].

В п. 2 ст. 10 ГК РФ прямо закреплено, что суд отказывает в защите права учитывая характер и последствия допущенного злоупотребления. В этой норме законодательно установлено право суда по собственному усмотрению применять данную санкцию при квалификации злоупотребления. При принятии такого решения суд кроме собственного усмотрения обязательно руководствуется ст. 10 ГК РФ, общими принципами гражданского законодательства, разъяснениями Верховного Суда РФ.

Стоит также рассмотреть постановления Пленума ВС РФ по подобным правоотношениям. ВС РФ даёт разъяснения по вопросам квалификации злоупотребления правом как в общем, так и в некоторых конкретных особенно сложных ситуациях. Так, в Постановлении Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» разъяснено, что когда сторона в обязательстве, в пользу которой были возмещены потери, недобро-

совестно способствовала возникновению такого обстоятельства, оно считается ненаступившим.

Также подобный пример есть в Постановлении Пленума ВС РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании». При установлении факта злоупотребления правом в ситуации, когда кредитор, осведомлённый о смерти наследодателя, намеренно долгое время не предъявлял кредитный договор к исполнению наследникам, не знавшим о таком договоре, необходимо исходя из п. 2 ст. 10 ГК РФ отказать кредитору во взыскании процентов за весь период со дня открытия наследства.

В итоге можно сделать следующий вывод. Прекращение возможности судебной защиты (отказ в защите права) является исключительной компетенцией суда. Об этом прямо говорит п. 2 ст. 10 ГК РФ. Добросовестность является очень индивидуальным для каждого спора понятием и не может быть обёрнута в универсальные законодательные рамки. Однако частично она определена в ГК РФ и разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ.

Теперь стоит рассмотреть требования, которые участники процесса заявляют в суде со ссылкой на нормы о злоупотреблении правом. Например, о признании заключённой сделки недействительной, возмещении причинённых убытков.

Возмещение причинённых убытков при злоупотреблении правом закреплено в гражданском законодательстве Федеральным законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ, где в ст. 10 ГК РФ был введён пункт 4. До этого момента в научной литературе возникало много споров относительно возможности возмещения убытков.

Так, И.В. Сазанова говорит о том, что сама формулировка злоупотребления правом не содержит указания на возмещение убытков. Возмещение убытков должно применяться в совокупности со специальными нормами ст. 15, 401, 1064 ГК РФ. Также основанием для применения возмещения убытков как меры ответственности является состав правонарушения. Однако условия состава – наличие вредных последствий, причинно-следственная связь, вина причинителя вреда – при злоупотреблении правом могут и отсутствовать [11, с.17].

А.Ю. Иванов полагает, что при применении механизма злоупотребления правом суд не должен смешивать его с механизмами деликтной ответственности, поскольку прямая функция злоупотребления правом – отказ в защите права. При квалификации правоотношения как злоупотребления правом признаётся, что произошло осуществление права, а значит, такое действие было правомерным. Не должны сме-

шиваться отказ в защите права и возмещение убытков как форма ответственности за правонарушение [12, с.159].

А.В. Волков пишет, что применительно к ст. 10 ГК РФ относительно термина «возмещение убытков» как гражданско-правовой санкции стоит равноценно использовать также такие термины, как «ущерб», «расходы», «потери», «утраты», «повреждения», не умаляя их различия как результата правонарушения [13, с. 4]. Таким образом, автор придерживается той позиции, что злоупотребление правом – это правонарушение, а возмещение убытков, закреплённое в п. 4 ст. 10 ГК РФ, – это санкция, отождествляя понятия «возмещение убытков» и «ущерб».

Интересно то, как используется в ГК РФ в других статьях термин «возмещение убытков». Статья 16 ГК РФ содержит нормы о возмещении убытков, причинённых государственными органами и органами местного самоуправления. В то же время ст. 16.1 ГК РФ содержит формулировку о компенсации ущерба, причинённого правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления. В данной статье используется именно термин «правомерные действия». Это ставит под сомнение предположение о том, что с введением в ст. 10 ГК РФ пункта 4 о возмещении убытков при злоупотреблении правом законодатель встал на сторону учёных, которые считали, что злоупотребление правом – это правонарушение, последствиями которого являются санкции в виде отказа в защите права, возмещения убытков и др.

Термины «компенсация ущерба» и «возмещение убытков» негласно являются по большей части идентичными. В научной литературе в основном рассматриваются различия понятий «ущерб» и «убытки». Большинство авторов сходятся во мнении, что, исходя из ст. 15 ГК РФ, реальный ущерб является составной частью понятия «убытки» [14, с. 8].

Интересна позиция Х.В. Идрисова, который считает, что понятие «убытки» применяется при совершении гражданско-правового нарушения в отношении кредиторов, которыми могут быть как физические, так и юридические лица. Понятие ущерба же применяется в отношении физических, юридических лиц, окружающей среды [15, с. 173]. Однако с такой позицией нельзя согласиться, т.к. возмещение убытков активно применяется в правоотношениях из причинения вреда, управления организацией и др.

В статьях же, где обсуждаются «компенсация ущерба» и «возмещение убытков», различие или идентичность этих понятий, как правило, не рассматривается. Так, Л.И. Благодарная пишет, что если обратиться к ст. 16.1 ГК РФ, то можно

увидеть, что граждане имеют право на возмещение [16, с. 57]. Автор статьи без объяснений смешивает понятия «компенсация» и «возмещение». А.Ю. Бутырин, Е.Б. Статива вовсе употребляют понятие «возмещение ущерба» [17, с. 39].

Теперь стоит вернуться к законодательным нормам и рассмотреть на примере ст. 16.1 ГК РФ, как в системе гражданского законодательства соотносятся понятия «компенсация ущерба» и «возмещение убытков», а также как они применяются судами.

Статья 16.1 ГК РФ говорит о том, что в предусмотренных законом случаях ущерб имуществу гражданина или юридического лица, причинённый правомерными действиями государственных или муниципальных органов, их должностных лиц или лиц, наделённых государством властными полномочиями, подлежит возмещению. Здесь интересно рассмотреть предусмотренные законом случаи, которые применяются в совокупности с вышеуказанной статьёй. Например, это п. 5 ст. 790 ГК РФ, которая устанавливает, что при наличии установленной законом льготной платы за провоз на транспорте грузов, пассажиров, багажа такие расходы возмещаются перевозчику из соответствующего бюджета.

Более интересным является применение ст. 16.1 ГК РФ в совокупности с нормами о земельных участках. Так, п. 1 ст. 281 ГК РФ применяет термин «возмещение» за земельный участок, изымаемый для государственных и муниципальных нужд. Ещё дальше в этом плане пошёл Земельный кодекс Российской Федерации (далее – ЗК РФ), где в п. 1.1 ст. 57 употребляется термин «возмещение убытков» в отношении повлекших такие убытки правомерных действий государственных и муниципальных органов, если это повлекло ограничения прав собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков, правообладателей расположенных на земельных участках объектов недвижимости.

Исходя из вышеизложенных примеров видно, что законодатель применительно к предусмотренным ст. 16.1 ГК РФ случаям использует термины «возмещение», «возмещение убытков». На этом основании можно сделать вывод, что термин «компенсация вреда» в ст. 16.1 ГК РФ является практически синонимом «возмещения убытков».

Это подтверждается судебной практикой. Так, Верховный Суд РФ в Определении от 02.03.2021 № 5-КГ20-160-К2 применяет ст. 16.1 ГК РФ в совокупности со ст. 15, 16, 1069 ГК РФ, касаясь вопросов убытков банка. Конститу-

ционный Суд РФ в Определении от 24.02.2022 № 420-О, разрешая вопрос о конституционности ст. 16.1 ГК РФ, обратил внимание на то, что данная норма является бланкетной. Это значит, что вышеприведённые отсылки к статьям ГК РФ и ЗК РФ являются продолжением бланкетной нормы ст. 16.1 ГК РФ, что ещё раз подтверждает, что законодатель отождествляет понятия «компенсация вреда» и «возмещение убытков».

Это говорит о том, что практически в ст. 16.1 ГК РФ предусмотрено возмещение убытков за правомерные действия государственных и муниципальных органов. Это опровергает рассмотренные ранее в работе позиции авторов, которые обращали внимание на то, что возможность требовать возмещения убытков безоговорочно говорит о том, что злоупотребление правом – это правонарушение, т.к. возмещение убытков является санкцией.

Интересно обратить внимание на редакцию п. 1 ст. 10 ГК РФ от 30.12.2012. Там указано, что злоупотреблением правом признаются только действия граждан и юридических лиц. В текущей же редакции эта оговорка отсутствует и круг субъектов, которые могут злоупотреблять правом, не ограничен. Относительно предыдущей редакции п. 1 ст. 10 ГК РФ есть также позиция ВАС РФ, изложенная в Решении от 16.04.2012 № ВАС-1113/12, который отклонил ссылку заявителя на п. 1 ст. 10 ГК, мотивировав это тем, что злоупотребление правом возможно только со стороны физических и юридических лиц. Статья 16.1 ГК РФ о компенсации вреда, причинённого правомерными действиями государственных и муниципальных органов, была введена Федеральным законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ одновременно с расширением перечня субъектов злоупотребления правом.

Совершенно не рассматривается в научной литературе злоупотребление правом государственными и муниципальными органами и их должностными лицами. Так, только Е.Н. Крымова в своей диссертации касается этой проблемы. Она определяет злоупотребление правом в процессе функционирования исполнительных органов государственной власти как действие или бездействие, состоящее во внешне соответствующей нормам права недобросовестной реализации, которое в соответствии с законодательством не является правонарушением или преступлением. Таким образом, Е.Н. Крымова делает вывод, что злоупотребление правом исполнительными органами – это правомерные действия [18, с. 11].

Исходя из вышеизложенного стоит отметить, что «злоупотребление правом» и «право-

мерные действия» – это определённым образом схожие правовые институты, даже несмотря на то, что ст. 16.1 ГК РФ является бланкетной, а также не предусматривает в качестве условия недобросовестность действий государственных или муниципальных органов. Стоит отметить, что большое количество споров возникает по поводу ограничения прав собственников земельных участков, изъятия земельных участков в пользу государства. Это одна из норм, на которые ссылается ст. 16.1 ГК РФ. Изъятие земельных участков и иное ограничение прав собственников для государственных или муниципальных нужд часто становится предметом правовых споров. В этой сфере очень сильным является влияние органов исполнительной власти разных уровней, принимающих решения по таким вопросам. Фактически они монополизировали подобные процедуры, поскольку чаще всего у собственника нет какого-либо выбора, кроме как принять материальную компенсацию.

Так, О.Л. Алтенгова, А.П. Анисимов отмечают, что в ст. 49 ЗК РФ нет чёткого понятия государственных и муниципальных нужд, что негативно сказывается на гражданском обороте, т.к. у государства отсутствуют законодательные барьеры прекращения права частной собственности. Также авторы отмечают, что при изъятии земельных участков фактически преобладает денежная форма компенсации их собственникам, что не является достаточным в большинстве случаев [19, с. 41].

М.А. Губанищева, Д.М. Хлопцов обращают особое внимание на то, что порой сложно предугадать, могут ли какие-либо земли понадобиться для государственных или муниципальных нужд. Ещё при планировании того или иного проекта необходимо, чтобы государственные или муниципальные органы стремились к тому, чтобы изъятию подлежало наименьшее количество земельных участков, рассматривали все альтернативные варианты проектов [20, с. 56].

На эту позицию стоит обратить особое внимание. Из ст. 16.1 ГК РФ следует, что правомерные действия государственных или муниципальных органов могут принести вред участникам гражданских правоотношений. Однако не рассматривается ни в научной литературе, ни в судебной практике вопрос о добросовестности государственных или муниципальных органов при осуществлении правомерных действий. Например, были ли ими изучены все варианты, которые могли бы быть реализованы без изъятия земельного участка у собственника?

Пленум Верховного Суда РФ в п. 16 Постановления от 23.06.2015 № 25 «О применении

судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – ПП ВС № 25) прямо увязывает ст. 16.1 ГК РФ с нормами ст. 279, 281, п. 5 ст. 790 ГК РФ, а также возможностью получения компенсации.

Однако достаточно ли одной компенсации для защиты прав физических и юридических лиц от правомерных действий государства? Нет, недостаточно. Как верно отмечает И.С. Раскотиков, необходимо соблюдение баланса государственного, публичного и частного интересов [21, с. 42]. При изъятии земельных участков часто упор делается только в пользу государственного интереса. Право собственности – один из важнейших институтов гражданского права. Оно должно быть одинаково хорошо защищено как от действий физических и юридических лиц, так и от действий государства.

В связи с этим рекомендуется дополнить п. 1 ст. 10 ГК РФ абзацем 3, который сформулировать в следующей редакции: не допускаются недобросовестные правомерные действия государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия. Таким образом, кроме возмещения убытков у собственников земельных участков появится ещё один механизм защиты, а именно отказ государственным или муниципальным органам в изъятии земельного участка в случае, если будет доказано, что они действовали недобросовестно. Например, если неотложной необходимости в изъятии именно этого земельного участка не было. Подобная возможность укрепит доверие к частной собственности в России, обеспечит стабильность гражданского оборота.

Ещё одним последствием злоупотребления правом, хоть и не прописанным в законодательстве, но сформировавшимся в судебной практике, является недействительность сделок, совершённых при злоупотреблении правом. В данном правовом механизме если совершение сделки сопровождалось явным злоупотреблением правом, то такая сделка признаётся недействительной на основании ст. 10 и 168 ГК РФ.

Впервые такой подход появился в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 № 127. Сейчас данная практика закреплена и на уровне Верховного Суда РФ. Так, ПП ВС № 25 даёт следующую формулировку: если совершение сделки нарушает запрет злоупотребления правом, такая сделка может быть признана судом недействительной в зависимости от обстоятельств дела исходя из п. 1 или п. 2 ст. 168 ГК РФ. Конституционный Суд РФ в

Определении от 30.06.2020 № 1485-О обратил внимание на то, что ст. 10 и 168 ГК РФ развивают положения ч. 2 ст. 15 Конституции РФ, где указана обязанность граждан и их объединений соблюдать нормы Конституции РФ и законодательства, закрепляются способы защиты прав заинтересованных лиц.

В судебной практике речь идёт о сделках, которые не нарушают конкретные законодательные нормы. Однако суды видят те или иные злоупотребления правом, мошеннический характер сделки и блокируют свободу договора. Запрет на злоупотребление правом императивно изложен в п. 1 ст. 10 ГК РФ, которую при широком толковании можно определить как нарушенную норму из ст. 168 ГК РФ.

А.Г. Карапетов задаётся относительно подобной схемы некоторыми вопросами. Так, обоснованна ли такая практика по существу? Почему суды вместо отказа в защите права, который является традиционным последствием для злоупотребления правом, применяют недействительность сделки? А.Г. Карапетов предполагает, что судам недействительность сделки кажется более предсказуемым, понятным и естественным правовым последствием, поскольку иначе необходимо будет дожидаться возникновения спора между сторонами, где одной из сторон надо будет отказать в праве ссылаться на соответствующую сделку. Также лишь недействительность способна обеспечить защиту прав третьего лица, когда обе стороны сделки злоупотребляли правом против его законного интереса [22, с. 738].

Стоит отметить, что действующие нормы недействительности сделок недостаточны для противодействия злоупотреблению автономией воли, поэтому если отсутствует специальный состав недействительности сделок, однако имеется необходимость аннулировать сделку, судам стоит применять как основание для недействительности п. 1 ст. 10 ГК РФ и ст. 168 ГК РФ.

Однако нельзя допускать нарушения системной логики и приоритета специальных норм над общими. В некоторых специальных нормах гражданского права противодействие недобросовестности при заключении сделки ведётся через оспоримость сделки. Серьёзным примером недобросовестности при выборе профессии являются обман, угроза, насилие, но в силу специальных норм ст. 179 ГК РФ последствием является лишь оспоримость сделки. Такая же ситуация происходит и с указанной в ст. 179 ГК РФ кабальной сделкой, заключающейся в том, что одна сторона воспользовалась стечением тяжёлых жизненных обстоятельств у контрагента, понудив его к сделке на несправ-

едливых условиях. Оспоримость также предусмотрена в п. 2 ст. 174 ГК РФ при сговоре представителей (директоров) или совершении сделки представителем (директором) с таким ущербом интересам представляемого, что его наличие должно было быть очевидно контрагенту. Закон обычно устанавливает процедуру оспоримости, когда применение указанных в законе составов недействительности способствует соблюдению прав и интересов контрагента.

Статья 10 и ст. 168 ГК РФ должны служить резервным механизмом для пресечения недобросовестных действий. Данные статьи должны применяться только в тех ситуациях, которые не будут подпадать под специальные нормы защиты от злоупотреблений правом. Исходя из рассмотренных выше примеров чаще всего специальные нормы имеются, и они устанавливают оспоримость сделки. Такие специальные нормы обязаны вытеснять ст. 10 ГК РФ в сферах, которые попадают в рамки данных гипотез.

В судебной практике подобное различие проводится не всегда. Часто истцы, пропустив годичный срок исковой давности для оспаривания сделки, подают иски о признании сделки ничтожной исходя из ст. 10 и ст. 168 ГК РФ, т.к. ст. 181 ГК РФ устанавливает по таким искам трёхлетний срок исковой давности. Например, Арбитражный суд Западно-Сибирского округа в Постановлении от 07.02.2020 № Ф04-5579/2018 по делу № А70-14709/2017 указал, что сделки о внесении изменений в договоры лизинга могут быть признаны только оспоримыми, отказал в иске из-за пропуска годичного срока исковой давности, подчеркнул, что признаков, позволяющих квалифицировать сделки как недействительные исходя из ст. 10, 168 ГК РФ, нет.

Ещё одним аргументом для истцов в пользу подачи исков именно о ничтожности сделки по ст. 10, 168 ГК РФ является то, что они часто долгое время исполняют сделку, подтверждая её действительность. Это блокирует оспаривание в связи с положениями абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ. Например, Арбитражный суд Северо-Западного округа в Постановлении от 19.09.2019 № Ф07-8517/2019 по делу № А56-97673/2018 пресёк попытку участника ООО признать ничтожным договор об отчуждении доли в уставном капитале с ссылкой на то, что данный участник ООО имел намерение сохранить сделку и, таким образом, не может её оспорить.

Практика подачи подобных исковых заявлений является неприемлемой, поскольку игнорирует общий и резервный характер норм ст. 10 и 168 ГК РФ. Верховный Суд РФ указал, что одна и та же сделка не может быть ничтожной и оспоримой. В том случае когда правовой спор

подпадает под критерии специальных составов недействительности (например, обман, заблуждение, кабальная сделка и т.д.), которые предусматривают оспоримость, такие сделки должны квалифицироваться только с применением специальных статей ГК РФ (например, кабальная сделка по ст. 179 ГК РФ), т.е. с применением указываемой там оспоримости, а не ничтожности. Не должны допускаться ситуации, когда с помощью ст. 10 и 168 ГК РФ происходит попытка обхода специальных норм об оспоримости сделки. Так, Верховный Суд РФ в ПП ВС № 25 указал, что квалификация сделки по ст. 10 и 168 ГК РФ возможна только в случае её выхода за рамки самостоятельного состава правонарушения.

При ситуациях, которые не подходят под действие специальных норм о недействительности сделок, для предотвращения злоупотребления правом вполне уместно применение ст. 10 ГК РФ. Однако встаёт выбор между применением запрета на злоупотребление правом вместе с п. 1 ст. 168 ГК РФ или вместе с п. 2 ст. 168 ГК РФ. Пункт 1 устанавливает оспоримость сделок, нарушающих закон и интересы самого контрагента, а пункт 2 закрепляет ничтожность сделок, нарушающих закон, а также публичные интересы, интересы третьих лиц. Стоит отметить, что в п. 7 ПП ВС № 25 закреплено право судов применять в совокупности со ст. 10 ГК РФ в определённых случаях ничтожность – п. 2 ст. 168 ГК РФ, а в других – оспоримость по п. 1 ст. 168 ГК РФ. Пункт 8 обращает внимание на то, что при наличии специального состава недействительности сделки применяется такой состав, например ст. 170 ГК РФ.

Относительно того, применять ли п. 1 или п. 2 ст. 168 ГК РФ, обоснованным кажется следующее решение: когда запрет злоупотребления правом применяется для защиты стороны сделки от злоупотреблений контрагента, необходимо применять ст. 10 ГК РФ вместе с п. 1 ст. 168 ГК РФ, а когда злоупотребление правом заключается в причинении ущерба конкретным третьим лицам, вполне закономерно применять ст. 10 ГК РФ вместе с п. 2 ст. 168 ГК РФ и определять сделку как ничтожную.

К одинаковым ситуациям не должны применяться разные правовые институты. Надо разработать чёткие критерии квалификации сделки, совершённой со злоупотреблением правом, как ничтожной или оспоримой, что обеспечит системность права. Иначе трудно было бы логически обосновать, почему сделка, которая совершена представителем гражданина на аномальных условиях в ущерб интересам представляемого, оспорима согласно п. 2 ст. 174 ГК РФ, а подобная сделка, совершённая самим гражданином, ничтожна исходя из п. 1 ст. 10, п. 2 ст. 168 ГК РФ.

Список литературы

1. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М: Статут, 2020. 414 с.
2. Суханов Е.А. Гражданское право: Учебник в 4 т. Т. 1. М.: Статут, 2019. 576 с.
3. Братусь С.Н. О пределах осуществления гражданских прав // Правоведение. 1967. № 3. С. 79–86.
4. Байрамов Ш.Б., Кайнов В.И., Шахбазов Р.А. Злоупотребление правом в российской правовой системе: Учебное пособие. СПб.: Страта, 2015. 162 с.
5. Маликов Е.Ю. Злоупотребление правом: понятие и правовая сущность // Юрист – Правоведь. 2008. № 1. С. 30–34.
6. Филиппов П.М., Белоножкин А.Ю. Новое определение субъективного гражданского права и злоупотребление им. Волгоград: ВА МВД России, 2009. 248 с.
7. Теплякова А.В. Лишение права охраны как одна из санкций при злоупотреблении правом // Вестник КрасГАУ. 2012. № 11 (74). С. 203–206.
8. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2013. 349 с.
9. Мурзин Д.В. Отказ в защите права – последний довод справедливости // Вестник Федерального арбитражного суда Уральского округа. 2009. № 3 (11). С. 136–142.
10. Егорова М.А. Содержание категории «отказ в защите права» как санкции за злоупотребление правом // Гражданское право. 2014. № 5. С. 10–14.
11. Сазанова И.В. Квалификация поведения субъектов как злоупотребление гражданским правом: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. СПб., 2010. 24 с.
12. Иванов А.Ю. Возмещение вреда, причинённого в ходе конкуренции: вопросы частного права // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2006. № 2. С. 158–160.
13. Волков А.В. Возмещение убытков в качестве санкции за злоупотребление правом // Гражданское право. 2015. № 3. С. 3–5.
14. Пешкова О.А. Соотношение понятий «вред», «убытки», «ущерб» // Мировой судья. 2010. № 7. С. 7–11.
15. Идрисов Х.В. Соотношение категорий «убытки», «ущерб» и «вред»: анализ законодательства, доктрины и судебной практики // Известия Чеченского государственного университета. 2020. № 4 (20). С. 172–176.
16. Благодарная Л.И. Возмещение убытков и компенсации ущерба, причинённого государственными органами и органами местного самоуправления в условиях пандемии // Евразийская адвокатура. 2020. № 2 (45). С. 55–58.
17. Бутырин А.Ю., Статива Е.Б. Принцип полноты возмещения убытков и проблемы компенсации ущерба при повреждении строительных объектов // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 4 (32). С. 38–43.
18. Крымова Е.Н. Злоупотребление правом в процессе функционирования исполнительных органов государственной власти в Российской Федерации: содержание и формирование концепции проти-

водействия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Воронеж, 2009. 24 с.

19. Алтенгова О.Л., Анисимов А.П. О некоторых правовых проблемах изъятия объектов частной собственности для государственных нужд // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 4 (43). С. 38–44.

20. Губанищева М.А., Хлопцов Д.М. Изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд: возможные пути улучшения // Иму-

ущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 8 (191). С. 52–61.

21. Раскотиков И.С. Соотношение частного и публичного интересов как объектов правового регулирования // Гражданин и право. 2014. № 6. С. 41–52.

22. Асосков А.В., Байбак В.В., Бевзенко Р.С. [и др.] Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: М-Логос, 2020. 1469 с.

LEGAL CONSEQUENCES OF ABUSE OF RIGHT

D.M. Kasatkin

The purpose of the work is to research and identify a complete list of legal consequences of abuse of law. The methodological basis of the research is made up of general scientific methods (dialectical, logical, systemic); special legal methods (formal legal, comparative legal, method of legal forecasting). As a result of the study, possible problems were identified due to the intersection of the mechanism of abuse of law with other legal institutions, such as compensation for losses and invalidity of transactions, the consequences of which are often used in combination with refusal to protect the right, which does not always have a good effect on civil turnover, when in the absence of grounds for of the claim, the applicant is trying to invalidate the transaction under the totality of Art. 10 and 168 of the Civil Code of the Russian Federation. There are also cases where the claim for damages is based only on formal bad faith. Legal methods for solving the identified problems are proposed through the correct interaction of legal institutions of civil law through their correct interpretation.

Keywords: abuse of right, refusal to protect rights, legal consequences, unfair behavior, invalidity of transactions, compensation for losses, actual damage, lost profits.

References

1. Gribanov V.P. Implementation and protection of civil rights. M.: Statute, 2020. 414 p.
2. Sukhanov E.A. Civil law: Textbook in 4 volumes. Vol. 1. M.: Statute, 2019. 576 p.
3. Bratus S.N. On the limits of the exercise of civil rights // Jurisprudence. 1967. № 3. P. 79–86.
4. Bayramov Sh.B., Kainov V.I., Shakhbazov R.A. Abuse of law in the Russian legal system: A textbook. St. Petersburg: Strata, 2015. 162 p.
5. Malikov E.Y. Abuse of law: perception and legal essence // Jurist – Pravoved. 2008. № 1. P. 30–34.
6. Filippov P.M., Belonozhkin A.Y. A new definition of subjective civil law and its abuse. Volgograd: VA of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. 248 p.
7. Teplyakova A.V. Deprivation of protective power as the penalty for law abuse // Bulletin of KSAU. 2012. № 11 (74). P. 203–206.
8. Pokrovsky I.A. The main problems of civil law. M.: Statute, 2013. 349 p.
9. Murzin D.V. Refusal to defend the right – the last argument of justice // Bulletin of the Federal Arbitration Court of the Ural District. 2009. № 3 (11). P. 136–142.
10. Egorova M.A. The content of the category «refusal to protect the right» as sanctions for abuse of law // Civil law. 2014. № 5. P. 10–14.
11. Sazanova I.V. Qualification of the behavior of subjects as an abuse of civil law: Abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences: 12.00.03. St. Petersburg, 2010. 24 p.
12. Ivanov A.Yu. Compensation for damage caused during competition: issues of private law // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2006. № 2. P. 158–160.
13. Volkov A.V. Compensation of losses as a sanction for abuse of law // Civil law. 2015. № 3. P. 3–5.

14. Peshkova O.A. Correlation of the concepts of «harm», «losses», «damage» // Magistrate. 2010. № 7. P. 7–11.

15. Idrisov H.V. Correlation of categories «losses», «damage» and «harm»: analysis of legislation, doctrine and judicial practice // News of the Chechen State University. 2020. № 4 (20). P. 172–176.

16. Blagodarnaya L.I. Compensation for losses and compensation for damage caused by state and local self-government bodies in the context of a pandemic // Eurasian Advocacy. 2020. № 2 (45). P. 55–58.

17. Butyrin A.Yu., Stativa E.B. The principle of compensation for damages and the problems of compensation for damage in case of damage to construction facilities // Theory and practice of forensic examination. 2013. № 4 (32). P. 38–43.

18. Krymova E.N. Abuse of law in the process of functioning of executive bodies of state power in the Russian Federation: content and formation of the concept of cooperation: Abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences: 12.00.14. Voronezh, 2009. 24 p.

19. Altengova O.L., Anisimov A.P. On some legal problems of seizure of private property for state needs // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4 (43). P. 38–44.

20. Gubanishcheva M.A., Khloptsov D.M. Seizure of land plots for state or municipal needs: possible ways to improve // Property relations in the Russian Federation. 2017. № 8 (191). P. 52–61.

21. Raskotikov I.S. Correlation of private and public interests as objects of legal regulation // Citizen and law. 2014. № 6. P. 41–52.

22. Asoskov A.V., Baibak V.V., Bevzenko R.S. [et al.] Basic provisions of civil law: article commentary on Articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation. M.: M-Logos, 2020. 1469 p.